

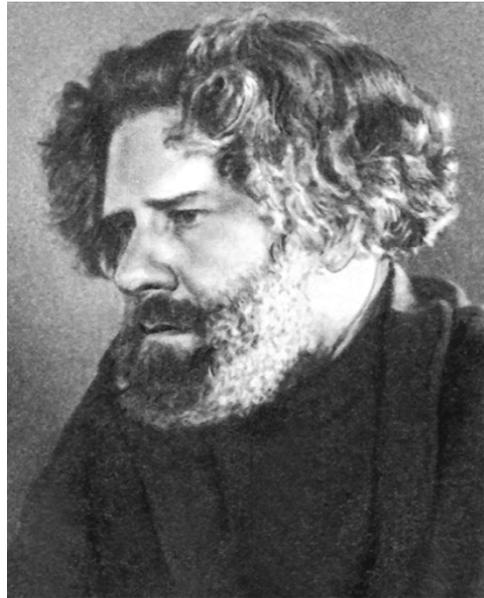
и **Марья Карповна**» (1996), написанном в духе гоголевских «Старосветских помещиков». При этом В. заговорил о новой, неизвестной лит-ре XIX в. и не столь очевидной даже в «деревенской» прозе минувшего столетия проблеме — о «предкатастрофических перекрестках всех без исключения столиц» («Шведский овес и валдайская Майка». С. 130). В лирико-философской миниатюре «**На все четыре стороны**» (1998) состояние мира уподоблено прованной плотине. Героя-повествователя интересует не сама трагедия, а ее последствия: что будет, когда вода схлынет, куда нас вынесет — вечный неразрешимый вопрос на Руси.

Критика, не высказавшая на данный момент определенного мнения относительно того, к какому жанру следует причислить произведение В. (рассказы или сказки), едина в приятии творчества талантливого автора, безвременно ушедшего из жизни. Небольшое по объему наследие В., которое еще предстоит собрать и опубликовать, занимает свое особое место в лит. процессе конца XX — начала XXI вв.

Соч.: Несусветное в Поганочках (по мотивам деревенских побасенок): роман. Казань. 1995; Илья Лукич и Марья Карповна: рассказ // Лит. Россия. 1996. 22 нояб. № 47; На все четыре стороны: рассказ // Лит. учеба. 1998. Кн. 3; И тут оставайся, и с нами пойдём...: рассказ // Москва. 2000. № 11; Я нарисую твой портрет: рассказ // Московский железнодорожник. 2001. № 8; Авсень при Матрешках: роман // Роман-ж. XXI век. 2001. № 5; Шведский овес и валдайская Майка: рассказ // Наш современник. М. 2001. № 12; Милава. Кумажа. Байник да Банника. И тут оставайся, и с нами пойдём...: рассказы // «Здравствуй, племя младое, незнакомое...»: Антология рассказов молодых писателей России. М., 2002.

Лит.: Я не стыжусь, что почти ничего не читаю: [Беседа А. Тер-Маркарьяна с писателем М. Волостновым] // Лит. Россия. 1996. № 47. С. 8; Люсий А. Хронотопы нецепного пса. Метаморфозы в рассказе Михаила Волостнова «На все четыре стороны» // Лит. учеба. 1998. Кн. 3. С. 20–21; Столкнулось будущее с прошлым, как с ледоколом самолет... Лит. журналы в ноябре // НГ Ex libris. 2000. 30 нояб.; В какой-то момент мы с книгами поменялись ролями... [Разговор с писателем / беседавала М. Ганичева] // Роман-ж. XXI век. 2001. № 5. С. 4; Переяслов Н. Жизнь журналов // День лит-ры. 2001. № 9; Бавыкин О. Убит на взлете // Лит. Россия. 2001. 27 июля; Переяслов Н. Инфернальные акценты российской прозы: Биографическая справка о писателе; Румянцев В. Прерванная сказка. Михаил Волостнов как рассказчик // «Здравствуй, племя младое, незнакомое...»: Статьи новых русских критиков. М., 2002. С. 90–94.

О. Г. Третьякова

М. А. Волошин

ВОЛОШИН (настоящая фамилия Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович [16(28).5.1877, Киев — 11.8.1932, Коктебель] — поэт.

Отец — Александр Максимович Кириенко-Волошин, служил юристом в чине коллежского советника. Мать — Елена Оттобальдовна, урожденная Глазер. «Кириенко-Волошины — казаки из Запорожья. По материнской линии — немцы, обрусевшие с XVIII века», — указывал В. («Автобиография», 1925. РО ИРЛИ). При более глубоком проникновении в свою родословную он называл себя «продуктом смешанных кровей (немецкой, русской, итало-греческой)» (Воспоминания... С. 40). Отца не помнил: после размолвки с женой тот умер в 1881. С матерью же до конца ее жизни В. поддерживал не только сыновние, но и творческие отношения. Занимаясь в детстве с гувернером, В. заучивал латинские стихи, слушал его рассказы по истории религии, писал сочинения на сложные лит. темы. Обучался затем в гимназиях Москвы и Феодосии. Переезд в Коктебель в 1893, где мать купила дешевый по тому времени участок земли, во многом predetermined творческую судьбу начинающего поэта (его первые стихотворные опыты — 1890, первая публикация — в сб. «Памяти В. К. Виноградова» (Феодосия, 1895). Сразу же запали в душу Макса (так называли В. родные и близкие) историческая насыщенность Киммерии и строгий пейзаж Коктебеля» («Автобиогра-

фия», 1925). По семейной традиции в 1897 В. поступил на юридический ф-т Московского ун-та, хотя мечтал об историко-филологическом. Учеба не раз прерывалась. В февр. 1899 В. был исключен из ун-та на год за участие в «студенческих беспорядках» и выслан в Феодосию. После восстановления окончательно бросил ун-т и отдался самообразованию с чувством: «Ни гимназии, ни университету я не обязан ни единым знанием, ни единой мыслью» («Автобиография», 1925). Зато плодотворным для духовного формирования В. оказалось знакомство с европейскими странами, где он из-за скудных средств передвигался пешком, ночевал в ночлежных домах (Италия, Швейцария, Германия, Франция, Греция, особо полюбившаяся ему Андорра). Не менее важным стало полуторамесячное пребывание в Средней Азии после исключения из ун-та (1899–1900). «1900 год, стык двух столетий, был годом моего духовного рождения. Я ходил с караванами по пустыне. Здесь настигли меня Ницше и „Три разговора“ Вл(адимира) Соловьева. Они дали мне возможность взглянуть на всю европейскую культуру ретроспективно — с высоты азийских плоскогорий произвести переосценку культурных ценностей... Здесь же создалось решение на много лет уйти на Запад, пройти сквозь латинскую дисциплину формы» (Воспоминания... С. 30, 37). С 1901 В. обосновывается в Париже. Его задача — «учиться: художественной форме — у Франции, чувству красок — у Парижа, логике — у готических соборов... В эти годы — я только впитывающая губка, я весь — глаза, весь — уши» («Автобиография», 1925). После «годов странствий» (так определил семилетие 1898–1905 сам В.) начинаются «годы блуждания» (1905–12): увлечение буддизмом, католичеством, оккультизмом, масонством, антропософией Р. Штейнера. Оказавшись в янв. 1905 в Петербурге, В. стал свидетелем Кровавого воскресенья, но революция, по его признанию, прошла мимо него, хотя поэт предвосхитил тогда грядущую смуту в России («Ангел мщения», 1906, с финальными строками: «Кто раз испил хмельной отравы гнева, / Тот станет палачом иль жертвой палача»).

Попеременно живя в Париже, Петербурге, Москве, В. активно участвует в лит. деятельности России. Выходит первая книга его стихов («Стихотворения», 1910), он сотрудничает в ж. символистов «Весы» и акмеистов «Аполлон». Не обходится и без скандалов: из-за тяги к розыгрышам В. происходит мистификация с Черубиной де Габриаком, при-

ведшая к его известной дуэли с Н. Гумилевым (1909). Лекция и брошюра «О Репине» (1913), где В. восстал против натуралистической тенденции в искусстве, обернулись для него «российским остракизмом» — отлучением от публикаций. Летом 1914, увлеченный идеями антропософии, В. приезжает в Дорнах (Швейцария), где вместе с единомышленниками приступает к постройке «Гетеанума» — храма святого Иоанна, символа братства народов и религий. На разразившуюся мировую войну В. тотчас откликнулся и стихами (книга «**Anno mundi ardentis**», 1915), и прямыми высказываниями. «Это война не освободительная, — писал он матери. — Это все выдуманно, чтобы сделать ее популярной. Просто несколько осьминогов (промышленности) слятся попить друг друга» (цит. по: Куприянов И.— С. 161). Он даже отправил письмо военному министру, где заявил об отказе служить в царской армии. По свидетельству близких, «он соглашался быть расстрелянным, чем убивать» (Там же. С. 175). Углубившись в основы русского национального самосознания, завершив книгу о В. Сурикове (полностью опубл. в 1985), в 1917 В. окончательно оседает в Коктебеле. Если Февральская революция была воспринята им «без особого энтузиазма», а после окончательного разуверения в ней Октябрьский переворот как историческая неизбежность, то братоубийственная Гражданская война не могла найти оправдания в его сердце. Но и не поколебала его нравственных устоев: «Ни война, ни революция не испугали меня и ни в чем не разочаровали: я их ожидал давно и в формах еще более жестоких... 19-й толкнул меня к общественной деятельности в единственной форме, возможной при моем отрицательном отношении ко всякой политике и ко всякой государственности... — к борьбе с террором, независимо от его окраски» («Автобиография», 1925). В. занимает позицию «над схваткой», спасая в своем доме в Коктебеле и красных, и белых. В 1920–30 в лит. баталии не вступал. Умер в возрасте 54 лет. Похоронен на холме Кучук-Енишар близ Коктебеля.

В 1925 В. указал, как должно быть сформировано издание его стихотворных произведений, и тем самым обозначил этапы своего творческого развития. Предполагались книги: «**Годы странствий**» (1900–10); «**Selva oscura**» (итал. «Темный лес» — из первых строк «Божественной комедии» Данте.— Г. Ф.) (1910–14); «**Неопалимая купина**» (1914–24); «**Путями Каина**» (1915–26, как итог).

Свой духовный путь до революции В. охарактеризовал в неопубликованном предисл. к книге избранных стихов **«Иверни»** (1918): «Лирическое средоточие этой книги — странствие. Человек — странник: по земле, по звездам, по вселенным. Вначале странник отдается чисто импрессионистическим впечатлениям внешнего мира («Странствия», «Париж»; здесь и далее — названия разделов книги. — Г. Ф.), переходит потом к более глубокому и горькому чувству матери-земли («Киммерия»), проходит сквозь испытание стихией воды («Любовь», «Облики»), познает огонь внутреннего мира («Блуждания») и пожары мира внешнего («Армагеддон»), и этот путь завершается «Двойным венком», висящим в межзвездном эфире. Таков психологический чертеж этого пути, проходящего сквозь испытания стихиями: землей, водой, огнем и воздухом» (Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 390).

Поэт менялся. Но главное свойство его как художника исходило из постоянной природной общительности и страстного темперамента при обостренном чувстве одиночества; из стремления войти в глубину явления, стать в нем своим — и при этом сохранить себя. Вне зависимости от ситуации одному из современников (А. Белому) он напоминает парижанина-интеллигента (Воспоминания... С. 140), а другому (И. Эренбургу) — русского кучера (Воспоминания... С. 339). В Париже В. познакомится с А. Франсом, Р. Ролланом, П. Пикассо и будет слоняться по рынкам и кабакам. Так он создает парижский цикл о красоте будничности: «В дождь Париж расцветает, / Точно серая роза...» (**«Дождь»**, 1904). В парижских переулках он различит «перламутровую просинь между бронзовых листов», «и пятна ржавые сбежавшей позолоты, / И небо серое, и веток переплеты — / Чернильно-синие, как нити темных вен». Это не символизм, с которым раннего В. всегда связывали. Да, он знал всех лидеров этого течения, посвящал им стихи (А. Белому, Ю. Балтрушайтису, В. Брюсову, К. Бальмонту), но оказался ближе французскому импрессионизму (в живописи — К. Моне, в поэзии — П. Вердену). «Говорящий глаз», — точно сказал о нем Вячеслав Иванов. Увлеченный мистическими теориями, В. даже их воплощал реально. «Реализм — это вечный корень искусства, который берет свои соки из жирного чернозема жизни...» — так писал он в **«Лицах времени»**. С 1906 начал складываться волошинский цикл «Киммерийские сумерки», продолженный затем другим — «Киммерийская весна» (1906–09; 1910–19). Вглядыва-

ясь в таврийский ландшафт, В. чувствовал, что история «бродит здесь тенями аргонатов и Одиссея... она в этих размытых дождями холмах... она в разрытых могильниках безымянных племен и народов... она в этих заливах, где никогда не переводилась торговая суетня и неистребимо из века в век уже третье тысячелетие цветет жгучая человеческая плесень» (цит. по: Куприянов И.— С. 140). Исторический пейзаж — вот что открыл тогда В. для нашей поэзии и теоретически обосновал в статьях. Суть не в том, что в стих. **«Гроза»** оживают мифологические образы из «Слова о полку Игореве», а в другом: ступенчатый венец гор напоминает о священном лесе Древней Греции (**«Здесь был священный лес. Божественный гонец...»**, 1907) — в самом характере личного переживания слышится голос вечности, воплощенной конкретно, чувственно: «Чей согнутый хребет порос, как шерстью, чобром? / Кто этих мест жилец: чудовище? титан? / Здесь душно в тесноте... А там — простор, свобода, / Там дышит тяжело усталый Океан / И веет запахом гниющих трав и йода» (**«Старинным золотом и желчью напитал...»**, 1907). Об этом М. Цветаева сказала так: «Творчество Волошина — плотное, весомое, почти что творчество самой материи, с силами, не сниходящими свыше, а подаваемые той — мало насквозь прогретой, — сожженной, сухой, как кремль, землей, по которой он так много ходил...» (Воспоминания... С. 200–201). Вроде бы первобытный Восток и изощренный Запад нашли общий язык на Киммерийской земле.

Но в нояб. 1914 в Дорнахе под пером В. рождаются зловещие строки: «Ангел непогоды пролил огонь и гром, / Напоив народы тягостным вином...» В ходе революционных потрясений в России, свидетелем которых В. был в Коктебеле, он заявил, что «молитва поэта во время гражданской войны может быть только за тех и за других: когда дети единой матери убивают друг друга, надо быть с матерью, а не с одним из братьев». Родина-мать и становится главным образом в поэзии В. революционных лет. Точнее, не «родина-мать» в некрасовском воплощении, а российская Богоматерь. Свирепая, неприкаянная Русь возникает в его стихах — Русь безвременья, где вихри гуляют по ратному полю, зловеще мерцают болотные огни и из земной утробы выходит тело царевича Дмитрия (**«Дмитриус-император»**). Неистовый Аввакум живьем сгорает в срубе, гибелью своей утверждая истинную веру (поэма **«Протопоп Аввакум»**, 1918). Гуляет по Руси Стенька Разин, верша жестокие суды над угнетателями

и справляя кровавые празднования («**Стенькин суд**», 1917). Теснят друг друга типажности современности: «**Красногвардеец**», «**Матрос**», «**Большевик**», «**Буржуй**», «**Спекулянт**» (цикл «Личины»). И над этими сценами древних лет и современности возвышается лик Богородицы, свет животворной любви и очищения: «Тайна тайн непостижимая. / Глубь глубин необозримая, / Высота невосходимая, / Радость радости земной, / Торжество непобедимое. / Ангельски дароносимая / Над родимую землей, / Купина Неопалимая» («**Хвала Богородице**», 1919). Образ Неопалимой Купины не раз встречается в стихах В. тех лет. По библейской легенде, это — горящий куст терновника, который не сгорает и олицетворяет бессмертие духа. Такова, по В., и Россия, охваченная революционным пламенем: «Мы погибаем, не умирая, / Дух обнажаем дотла...» («**Неопалимая Купина**», 1919). Даже в эти годы вера в возрождение России у поэта осталась.

Иным пафосом преисполнена книга «Путьми Каина», создававшаяся параллельно с книгой «Неопалимая Купина». «Это — не столько стихи, сколько философский трактат в слегка повышенной ритмом прозе» (Райе Э. Максимилиан Волошин и его время // Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. ХСІ). Подзаголовок: «Трагедия материальной культуры». Поэт проследживает весь тревожный путь человечества: от первого противостояния Богу («**Мятеж**»), от первой искры цивилизации — использования огня («**Огонь**»), от первых религиозных исканий («**Магия**»), от первых внутренних раздоров, начавшихся с убийства Каином брата («**Кулак**»), через достижения средневековой и буржуазной мысли («**Порох**», «**Пар**», «**Машина**»), завершившихся тем, что «машина победила человека», а «свист, грохот, лягз, движенье превратили Царя вселенной в смазчика колес», через враждебное наступление новой государственности на личность («**Бунтовщик**», «**Война**», «**Государство**», «**Левиафан**»). Завершается этот путь у поэта прозрением будущего — где не Господь свершает Страшный суд надо всеми, а где «каждый... сам себя судил» («**Суд**»). Именно в этом — во вступлении на путь индивидуального совершенствования, а не рационального познания окружающего мира (ведь «Разум есть творчество навыворот»), не материально-технического благоустройства и социальных революций, а на органическое сращение человека с первозданным Космосом («мир познанный есть искаженье мира», зато «наш дух — междупланетная ракета») осуществляется

призыв первого же стихотворения книги: «Пересоздай себя!» — единственный выход из общемирового кризиса.

Мерилом искусства для В. всегда был человек. «Живое о живом» — так назвала статью о нем М. Цветаева. И сам В. в статье, сосредоточенных в основном в книге «**Лики творчества**» (1914), на первый план ставил личность художника в ее психологической сложности. О чем и о ком бы он ни писал — о поэзии России или Запада, о парижских худож. салонах, о русской иконописи или исторической живописи, — всегда перед читателем предстали живые лики творцов с их индивидуальными чертами. Это не мешало, однако, делать автору теоретические открытия. Пример — книга В. «**Василий Суриков**». Написанная на основе бесед с великим национальным художником и воссоздавшая не только яркий характер собеседника, но и бытовую специфику сибирской среды, его породившей, она обозначила и новый метод в искусствознании: структуральное исследование композиции худож. полотна. И это тоже открытие «изнутри»: творчество В. — поэта или критика неотрывно от его занятий живописью. Импрессионистичность и строгий расчет отличали и его лирику, и акварельные зарисовки Крыма. На вопрос: «Кто он — поэт или художник?» — В. отвечал: «Конечно, поэт» и добавлял при этом: «И художник».

Отойдя с 1926 от лит. деятельности, В. писал акварели ежедневно и дарил их многочисленным посетителям его дома в Коктебеле в день их отъезда. Он все делал во имя всеобщего братства, и детище свое, свой дом, построенный еще в 1903 по собственному плану и превращенный с годами то ли в музей, то ли в творческий заповедник, где внизу располагалась мастерская, а на крыше можно было наблюдать небесные светила; тот дом, в котором бывали писатели М. Горький и М. Булгаков, художники К. Петров-Водкин и А. Бенуа, поэты М. Цветаева и А. Белый, мн. актеры, музыканты, художники, где они жили, встречались друг с другом, творили, — этот дом за год до смерти В. завещал писателям своей страны. Одно из последних стих. В., по сути дела итоговое, так и называлось: «**Дом поэта**» (1926). Его финальные строки — волошинский завет: «Весь трепет жизни всех веков и рас / Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас».

В. был строг к своим стихам, сдержанно относился к живописным работам. Пожалуй, лишь одно стало предметом его гордости. Стих. «**Коктебель**» (1918) заканчивалось словами: «И на скале, замкнувшей зыбь за-

лива, / Судьбой и ветрами изваян профиль мой». Южная оконечность одной из гор Карадага поразительно похожа на профиль В. Лучшего памятника себе он не представлял. Потому что поставила его сама Природа.

Соч.: Демоны глухонемые. Харьков, 1919; Стихи о терроре. Берлин, 1923; Усобица: Стихи о революции. Львов, 1923; Стихотворения. Л., 1977. (Б-ка поэта. М. серия); Стихотворения и поэмы: в 2 т. Paris, 1982, 1984; Лирика творчества. Л., 1988. (Лит. памятники); 2-е изд., стереотип. 1989; Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991; Дом поэта: Стихи, главы из книги «Суриков». Л., 1991; Стихотворения и поэмы. СПб., 1995. (Б-ка поэта. Б. серия); Жизнь бесконечное познание: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения. М., 1995.

Лит.: Ланн Е. Писательская судьба Максимилиана Волошина. М., 1927; Цветаева А. Воспоминания. М., 1971. С. 400–406, 418–442, 508; Волошин-художник: сб. материалов. М., 1976; Куприянов И. Судьба поэта: Личность и поэзия Максимилиана Волошина. Киев, 1978; Купченко В. Остров Коктебель. М., 1981; Волошинские чтения. М., 1981; Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990; Базанов В. В. «Верю в правоту верховных сил...»: Революционная Россия в восприятии Максимилиана Волошина // Из творческого наследия советских писателей. Л., 1991. С. 7–260; Всехсвятская Т. Годы странствий Максимилиана Волошина: Беседа о поэзии. М., 1993; Купченко В. П. Странствие Максимилиана Волошина: Документальное повествование. СПб., 1996.

Г. В. Филиппов

ВОЛЬНОВ Иван Егорович (псевдоним Ив. Вольный) [3(15).1.1885, с. Богородицкое Орловской губ.— 9.1.1931, там же] — прозаик.

Родился в бедной крестьянской семье, работавшей на земле князя Куракина. Окончил 2-классное училище, затем Курскую учительскую семинарию. В 1903 В. устанавливает связь с подпольем социалистов-революционеров, ведет среди крестьян пропаганду. В 1905 учителем в с. Щетиново Белгородского у., где его арестовывают во время тайной сходки, высылают в родное село под надзор полиции. В 1906–07 активно участвует в аграрном движении Орловской губ., несколько раз попадает под суд. В 1906 орловский губернатор доносил в департамент полиции, что малоархангельский исправник «заклучил в орловскую губернскую тюрьму учителя из крестьян с. Богородицкого И. Е. Вольнова как вредного для общественного порядка» (АОР. Ф. 102. Ед. хр. 9). После покушения на исправника В. долго держали в Орловском центре, допрашивали, пытали, только в 1909 он был приговорен к ссы-

лке в Восточную Сибирь, оттуда бежал и переехал в Италию, на о. Капри, где его приютил Горький. С 1911 по 1917 В. живет и работает в Италии, при содействии Горького начинает печататься в парижской газ. «Будущее» (там появились первые очерки о его тюремной жизни). На Капри В. познакомился с Л. Андреевым, Буниным, Новиковым-Прибоем, Коцюбинским. По совету Горького в 1911–12 написал «**Повесть о днях моей жизни**» (опубл. в ж. «Заветы»), публикует рассказы в «Современнике», «Летописи», «РБ».

После возвращения на родину В. был избран уездным комиссаром Временного правительства, а затем членом Учредительного собрания. Когда установилась советская власть, В. несколько раз подвергали аресту, Горький добивается освобождения (см. очерк Бонч-Бруевича). В 1919 В. вместе с Новиковым-Прибоем едет в Барнаул за хлебом для Москвы, позднее отправляется в Самару с санитарно-эпидемиологическим поездом на борьбу с голодом. В 1921 возвращается в с. Богородицкое, там организует сельскохозяйственное товарищество, крестьяне стали жить лучше, потянулись к знаниям, но, когда артель превратили в обычный колхоз, автор разочаровался в аграрной политике вождей. Об этом он писал Горькому (см. архив в Музее орловцев). В 1928–29 В. посетил Горького в Сорренто, за 6 месяцев он закончил по-

И. Е. Вольнов